

РАДИАЦИЯ

26 апреля 1986 года произошла крупнейшая в истории человечества катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции, причинившая неисчислимы бедствия Советскому Союзу: огромное количество людей - свыше 8 миллионов человек - были подвержены радиационному облучению, многие из них заболели, десятки вскоре скончались.

Распространившейся радиацией были поражены огромные территории СССР. Стране был причинён гигантский экономический ущерб. По мнению различных источников, авария на ЧАЭС произошла из-за нарушения правил эксплуатации обслуживающим персоналом и, возможно, конструктивных недостатков реактора, которые все вместе и повлекли за собой такие страшные последствия. Мирный атом напомнил людям - обращаться с ним и эксплуатировать его нужно строго соблюдая установленные правила безопасности.

В Пермской области не было атомной электростанции, но, тем не менее, с радиацией мне пришлось столкнуться в следственной работе ещё задолго до Чернобыльской трагедии - в 1984 году.

Утром 6 февраля 1984 года дефектоскопист треста «Нефтепроводмонтаж» В.А. Тенев получил, под роспись в журнале выдачи, из специального хранилища гамма-дефектоскоп «Гаммарид-25м» с источником ионизирующих излучений Иридием-192 - радиоактивным веществом крайне опасным для здоровья, для работы на прокладываемом газопроводе «Уренгой – Центр» по территории Ординского района. Прибор использовался для контроля качества сварных швов газопровода.

Дефектоскописту Теневу, получившему из хранилища гамма-дефектоскоп с источником излучения, согласно действующей инструкции, из-за повышенной опасности категорически запрещалось его оставлять без надзора.

На грузовом автомобиле Тенев с помощником прибыли на газопровод, работали с прибором до обеденного перерыва, а потом решили съездить на обед. Тенев взял прибор, поставил его на подножку грузовика, ожидая пока водитель, занятый работой в кузове, возьмёт у него прибор и поставит его туда. Не желая мёрзнуть на улице, дефектоскопист сел в кабину, решив подождать в тепле пока водитель закончит работу в кузове, и забыл о

находящемся на подножке машины дефектоскопе. Не вспомнили потом о приборе и водитель, и помощник дефектоскописта.

Троица поехала на обед. Во время движения грузовика гамма-дефектоскоп упал с подножки машины на проезжую часть, а дорога была довольно-таки оживлённым трактом, соединяющим между собой районы области, и... потерялся. Как говорится, что с возу упало...

Но на оживлённой дороге упавший опасный прибор пролежал недолго: проезжавший следом на грузовике водитель Шулепов обратил на него внимание и, будучи человеком хозяйственным - не пропадать же добру, подобрал его, положив в кузов машины. Так прибор был увезён за несколько десятков километров - в соседний Уинский район, в колхозный гараж села Аспа.

Там же, несмотря на нанесённый на корпус прибора общеизвестный знак радиационной опасности в виде трёх жёлтых треугольников, он вызвал неподдельный интерес и любопытство у обитателей гаража - коллег водителя. Они повели себя крайне беспечно: не обращая внимания на предупреждающий знак, вскрыли свинцовый контейнер и извлекли из него источник ионизирующих излучений - радиоактивное вещество Иридий-192, небольшую упаковку в виде «таблетки».

Свинцовый защитный корпус контейнера прибора, весящий ровно пуд, один из водителей сразу же унёс к себе домой и нашёл ему «достойное» применение в домашнем хозяйстве: отныне он стал использоваться в качестве гнёта, в кадке с квашеной капустой, где его впоследствии и изъяли. Радиация - то на вкус продукта не влияла.

Другие же работники гаража, не найдя применения опасной «таблетке», которую крутили-вертели в руках, выбросили источник радиации в кучу валяющегося в углу гаража мусора. Они не знали о таких тонкостях, как выделяемые ими выброшенной «таблеткой» альфа-частицы, которые очень опасны для живого организма, а период их полураспада составляет не менее семидесяти лет, да и не задумывались. Продолжали мирно трудиться в гараже, Иридий-192 по соседству с ними продолжал излучать радиацию, и уже далеко не в мирных производственных целях.

А тем временем дефектоскопист и сотоварищи, отообедав и вернувшись обратно к месту работы, обнаружили исчезновение прибора. Начали его искать, вновь поехав по дороге, однако он как в воду канул, и им ничего не

оставалось, как доложить руководству об этом чрезвычайном происшествии. Об утрате опасного прибора сразу же было сообщено в органы внутренних дел. Начался его поиск, к которому тут же были привлечены военные специалисты со специальной техникой: она через полтора суток сумела зафиксировать, а затем и обнаружить источник радиационного излучения - в гараже села Аспа. Был составлен соответствующий акт, обнаруженное радиоактивное вещество сразу же надежно упаковали в контейнер и благополучно возвратили в хранилище.

Но за свою беспечность и невнимательность работникам гаража пришлось расплачиваться здоровьем: после контакта с радиоактивным веществом пятеро из них получили лучевые ожоги 1-3-й степени пальцев рук и локтевых суставов. Всем им требовалось лечение, которое не могли им оказать в Пермской области, поэтому они были доставлены в специализированную больницу в городе Москве.

По факту утери опасного прибора прокуратурой области было возбуждено уголовное дело, которое принял к производству опытный старший следователь областной прокуратуры Казаков Александр Иванович.

Следователем были допрошены свидетели, подтвердившие факт потери и находки прибора, изъята вся документация по гамма-дефектоскопу: инструкции по его использованию, должностные инструкции, приказы, журнал учёта выдачи приборов, получены характеристики обвиняемого.

Для допроса потерпевших, находящихся на излечении в московской больнице, следователь вылетел в Москву. Вместе с ним для производства судебно-медицинской экспертизы, которая должна была установить степень тяжести полученного вреда здоровья потерпевшими, проследовал заместитель начальника областного бюро судмедэкспертизы Югов Геннадий Григорьевич, опытнейший эксперт.

В акте проведённой им экспертизы Югов установил получение лучевых ожогов всеми потерпевшими и указал, что полученные ими телесные повреждения относятся к категории менее тяжких.

По возвращении из командировки следователь Казаков предоставил мне материалы проведённых следственных действий. Просмотрев протоколы допроса потерпевших, я обратил внимание, что в одном из протоколов за потерпевшего расписался его лечащий врач - в подтверждение правильности записи словесных показаний больного (закон допускал такое в некоторых

случаях). На мой недоумённый вопрос, почему это сделано, Александр Иванович рассказал мне, что потерпевший не мог расписаться своей рукой, и связано это было с особенностями методики лечения.

Лечение же заключалось в том, что на передней брюшной стенке пациента делался хирургический надрез, в месте которого намертво крепились пальцы рук пациента с поражёнными участками кожи, вследствие чего происходило медленное их срастание и восстановление здоровой ткани на повреждённых пальцах. Длилось лечение не один день, и в это время нельзя было двигать повреждённой (пришитой к брюшине) рукой. После срастания пальцев руки с тканями брюшной стенки и нарастания необходимых новых тканей на поражённых пальцах проводилось хирургическое их отделение скальпелем и дальнейшее отсоединение руки от брюшной полости.

Несколько наших потерпевших сельчан получили лучевые ожоги одной руки - и на время лечения стали «однорукими». Но одному потерпевшему повезло меньше - он получил лучевые ожоги пальцев обеих рук и стал на время «безруким»: обе его руки были зафиксированы на брюшной стенке неподвижно. Он не только не имел возможности поставить свою подпись в протоколе допроса, но и обслуживать себя он не мог, поэтому кормить его с ложечки приходилось его односельчанам - братьям по несчастью.

Когда следователь Казаков посетил их в больнице, потерпевшие пребывали там в таком состоянии уже месяц, поэтому во время встречи с ним, как рассказал Александр Иванович, хоть потерпевшие и были ограничены в движении, но разговаривать могли без ограничений. Они, не стесняясь, не жалели крепких выражений в свой собственный адрес, ругая себя, что не только не придали значения увиденному знаку радиационной опасности на приборе, но по недомыслию ещё и разобрали его: по собственной глупости и безалаберности физически здоровые мужики оказались в беспомощном положении, чего не пожелаешь и врагу.

В течение полутора месяцев по этому делу были, в основном, проведены необходимые следственные действия, расследование можно было завершать, но неожиданно заболел следователь - такое бывает, следователь ведь тоже простой человек. Как начальнику следственной части, закон позволял мне принять дело к собственному производству и завершить расследование, что и было мной сделано. Преступление не носило умышленного характера, состав преступления состоял в том, что были нарушены правила использования и перевозки радиоактивного вещества, повлекшие тяжкие последствия. Сама по себе утрата прибора гамма-дефектоскопа Теневым не влекла за собой состава

преступления и соответственно привлечения его к уголовной ответственности, если бы не было радиоактивного заражения или причинения тяжких повреждений, в этом случае виновный в утрате прибора мог быть наказан в административном порядке. Однако, в дело Тенева «вмешались» потерпевшие селяне: вместо того, чтобы сдать найденный прибор в милицию, решили, по-хозяйски, извлечь из него выгоду. Своими руками они выпустили радиоактивного джина из свинцовой оболочки, наказав себя ионизирующим облучением и получив телесные повреждения. Они «создали» своими необдуманными действиями «условия» для привлечения дефектоскописта к уголовной ответственности - по закону.

Завершенное дело вскоре ушло в суд, который приговорил Тенева к мере наказания - не связанной с лишением свободы.

На момент завершения расследования по этому делу потерпевшие всё ещё были вынуждены любоваться видами Москвы из больничного окна.

А до Чернобыльской трагедии оставался ещё пятьсот тридцать один день...